

В пятницу, перед уроком китайского языка, староста Чжао Цинь объявил классу важную новость: на следующей неделе истекает срок сдачи сочинений. Тема была та самая — О глубинах твоего сердца.

Мэн Юйян долго рылся в ящике стола, пока наконец не выудил оттуда помятый листок. Посмотрев на несколько скудных строчек, он повернулся к Чэн Ю:

— Парень, когда у тебя будет время? Мое сочинение держится только на тебе.

Чэн Ю ответил:

— С твоими талантами, чтобы дописать последние абзацы, тебе придется дня два не есть и не спать.

Мэн Юйян тут же изобразил подобострастную улыбку:

— Завтра выходные, помоги мне что-нибудь придумать.

— Сначала сам изложи свои мысли на бумаге, тогда я смогу их отредактировать, — отрезал Чэн Ю.

Мэн Юйян немного подумал и предложил:

— Может, встретимся в библиотеке?

Чэн Ю уже собирался ответить, как услышал:

— Давай лучше у меня дома. Мои отцы приготовят что-нибудь вкусное, будем писать и перекусывать.

Чэн Ю задумался. Ему всегда было любопытно взглянуть на отцов Мэн Юйяна, поэтому он согласился:

— Хорошо, давай в десять утра.

Мэн Юйян кивнул:

— Я встречу тебя у ворот школы.

У Си, услышав их договоренность, повернулся к ним:

— Здорово, когда у второй половинки такие успехи в сочинениях. У меня остался последний абзац, Ю-гэ, может, и меня спасешь?

Мэн Юйян посмотрел на него и отрезал:

— Нет.

В субботу в десять утра Чэн Ю прибыл к школе. Как и в прошлый раз, у ворот его уже ждала высокая фигура.

— У тебя отличное чувство времени, — похвалил Чэн Ю.

Мэн Юйян расплылся в улыбке:

— Да так, средне. Но в книгах пишут, что нельзя заставлять вторую половинку ждать.

В середине ноября воздух был уже по-настоящему холодным. Мэн Юйян стоял в расстегнутой куртке, с вечно растрепанными волосами, но его лицо по-прежнему сияло, как солнце. Заметив шарф на шее Чэн Ю, он присмотрелся к его очкам в тонкой оправе, которые слегка запотели от дыхания, и внезапно сказал:

— Как только я свяжу шарф, ты будешь носить мой.

— Хорошо-хорошо, как свяжешь, так и буду носить, — невозмутимо ответил Чэн Ю. Он уже давно оставил попытки спорить на эту тему.

Они направились к дому Мэн Юйяна, дорога заняла около двадцати минут. Несмотря на ранний час, ресторанчик уже был открыт. Высокий мужчина, ростом почти с Мэн Юйяна, сутился с ящиками овощей. Заметив подростков, он широко улыбнулся:

— Юйян, это твой друг?

Мэн Юйян кивнул и обратился к Мэн Чэнье:

— Папа, это Чэн Ю.

Чэн Ю вежливо поклонился:

— Здравствуйте, дядя Мэн.

Мэн Чэнье был поразительно похож на сына — словно повзрослевшая версия Мэн Юйяна, и стало очевидно, от кого тот унаследовал свой рост. Из глубины заведения вышел другой мужчина с утонченными чертами лица. Как только он приблизился, Мэн Чэнье тут же приобнял его. Гао Юй, похоже, привык к такому проявлению чувств и лишь пробормотал:

— Дети смотрят.

Мэн Чэнье отпустил его и представил гостю:

— Сяо Ю, это второй папа Юйяна, зови его дядя Гао.

Чэн Ю послушно поздоровался:

— Здравствуйте, дядя Гао.

Гао Юй, глядя на интеллигентного и симпатичного юношу, поинтересовался:

— Юйян сказал, ты пришел помочь ему с сочинением?

— Вдвоем обсуждать всегда быстрее, — вежливо ответил Чэн Ю.

Мэн Чэнье рассмеялся, и его улыбка была такой же солнечной, как у сына:

— Сяо Ю, как красиво говоришь! А я читал то сочинение Юйяна про весну — полная ерунда, ха-ха-ха!

Чэн Ю невольно улыбнулся, находя отца Мэн Юйяна очень забавным — теперь понятно, в кого пошел сын.

Мэн Юйян сказал:

— Пап, мы пойдем наверх, нам нужно поработать.

Гао Юй, заметив, что его партнер все еще посмеивается, кивнул:

— В обед я принесу вам поесть.

— Не нужно, вы заняты, я сам спущусь заберу, — ответил Мэн Юйян и повел Чэн Ю по лестнице.

На первом этаже располагался ресторан, а на втором — жилые комнаты. Мэн Юйян открыл дверь ключом. Внутри было очень чисто, пол буквально блестел. Чэн Ю, стараясь не разглядывать лишнего, прошел в комнату. Мэн Юйян тут же скинул куртку, словно она была невыносимо жаркой.

— У тебя в комнате очень чисто, — заметил Чэн Ю.

— Раз уж парень в гости заглянул, пришлось прибраться. А вообще, вчера еще двух мышей отсюда выгнал, — тут же отозвался Мэн Юйян.

Чэн Ю проигнорировал его шутку, снял верхнюю одежду и шарф, положив их на столик у шкафа. Под курткой у него оказался бежевый свитер с высоким воротом.

— Давай начнем.

Мэн Юйян притворно ахнул:

— Сразу к делу? Разве в первый визит не положено сначала создать атмосферу?

Чэн Ю сухо спросил:

— Какую еще атмосферу?

— Атмосферу волнения и учащенного сердцебиения.

— Я сейчас очень волнуюсь, сердце бьется так быстро, что не могу дышать. Ну что, теперь можно писать? — с каменным лицом выпалил Чэн Ю.

Мэн Юйян повалился на кровать, хохоча до слез. Наконец успокоившись, он указал на стол:

— Я вчера набросал один абзац на листе.

Чэн Ю подошел, взял листок и, прочитав его за пару минут, пришел к выводу, что это полный мусор.

— Лучше потратить это время на видеоигры.

Мэн Юйян, развалившись на кровати с телефоном в руках, лениво ответил:

— Исправь сам.

Чэн Ю хотел отодвинуть стул, но уперся в ноги Мэн Юйяна.

— Убери ноги.

Мэн Юйян подтянул колени к себе. Он был высоким, и когда растянулся на двуспальной кровати, места почти не осталось. Чэн Ю подумал, что такому парню и односпальная кровать была бы мала — половина тела вечно свисала бы наружу. Он сел за стол, оглядываясь в поисках канцелярии. Поскольку он пришел помогать, то ничего с собой не брал, но у Мэн Юйяна все было под рукой. Взглянув на каракули на бумаге, Чэн Ю вздохнул и принялся за работу.

Через полчаса он понял, что исправить это практически невозможно — слог Мэн Юйяна был просто катастрофическим. Мэн Юйян отложил телефон и, заметив, что Чэн Ю замер, спросил:

— Очень сложно?

Чэн Ю повернулся к нему:

— Сложно? Это как продираться сквозь тернии, идти в никуда, взбираться на небо и вести

безнадежный бой.

Мэн Юйян застучал кулаком по кровати от смеха:

— Парень, твои шутки всегда такие смешные.

— Твое сочинение — вот настоящая шутка!

Для второго абзаца Мэн Юйян решил последовать совету Чэн Ю и описать причины любви к баскетболу, подробно рассказав, как это стало его внутренней потребностью. Но то, что было на бумаге!

«Я впервые увидел баскетбольный мяч в детском саду. Он был оранжевый, огромный, больше моей головы. Папа сказал, что научит меня, когда я пойду в школу, и во втором классе он действительно научил. Тогда мне казалось, что кольцо очень высокое и далекое, я много раз бросал, но не попадал. Папа говорил, ничего страшного, надо просто тренироваться. Но даже в третьем классе оно все еще было высоким и далеким. И только в пятом классе я наконец научился играть. В средней школе начал тренировать точность, и хотя кольцо уже не казалось таким высоким и далеким, я понял, что для чистого попадания нужна техника — просто нельзя, чтобы рука дрожала».

Чэн Ю почувствовал, как у него дергается глаз. Он понимал, что для первоклашки кольцо действительно может казаться высоким, но Мэн Юйян повторил эту фразу столько раз, что она превратилась в бессмыслицу.

Мэн Юйян, наблюдая за лицом Чэн Ю, прошептал:

— Ты же знаешь, я ужасно пишу.

Чэн Ю со злостью усмехнулся:

— Ужасно — это еще мягко сказано! Что ты вообще пишешь?

Как это исправлять? Это нужно было выкинуть с первого же слова!

Мэн Юйян поспешил его успокоить:

— Парень, не злись! Хочешь, побей меня?

— В каком фильме ты это подсмотрел? Из какой книги вычитал? — Чэн Ю закатил глаза.

— Не из книги, в сериалах так всегда делают.

Чэн Ю решил больше не обращать на него внимания, вернулся к листу и с трудом принялся писать.

В полдень Мэн Юйян спустился вниз за обедом. Гао Юй приготовил два вида жареного риса, добавил к ним жареную свинину с чесноком и бланшированные овощи. Мэн Юйян принес в комнату складной столик и поставил тарелки:

— Давай поедим, не голодать же.

Чэн Ю, не поднимая головы, ответил:

— Ешь сам, я придумал, как переписать.

Его наконец осенило, и, пока мысль не улетела, он схватил новый лист бумаги. Вдруг прямо к его губам поднесли ложку с ароматным жареным рисом. Чэн Ю обернулся и увидел Мэн Юйяна, который сидел на краю кровати, протягивая ему ложку.

— Оставь там, я допишу и поем.

— Пиши свое, а я покормлю. Ты ведь специально пришел мне помогать, не могу же я позволить тебе голодать.

Видя, что Мэн Юйян настаивает, а сам он действительно проголодался, Чэн Ю открыл рот. Следующие пятнадцать минут прошли в таком режиме: он писал, а Мэн Юйян кормил его с ложечки. Только закончив абзац, Чэн Ю взял ложку сам.

Мэн Юйян начал есть свою порцию. Чэн Ю, пережевывая пищу, не удержался от похвалы:

— У твоих отцов золотые руки.

Рис был рассыпчатым, ароматным — совсем не то, что в забегаловках рядом с его домом, где подавали вечно слипшуюся кашу. Мэн Юйян положил ему в тарелку несколько кусочков свинины:

— Рис жарил папа, а свинину мариновал отец.

Чэн Ю уже понял, что Гао Юй — это папа, а Мэн Чэнье — отец. Быстро доев, он отставил тарелку и снова приготовился сражаться с ужасным сочинением.

Когда Мэн Юйян вернулся после того, как убрал посуду, он увидел, что Чэн Ю трет глаза, сняв очки.

— Устал? Приляг на кровать.

Он знал, как сильно выматывает редактирование его писанины. Чэн Ю покачал головой и снова надел очки:

— А ты разрешаешь другим лежать на своей кровати?

Мэн Юйян опешил и тут же выпалил:

— Конечно нет! У меня нет никаких других! И я не люблю, когда кто-то трогает мою кровать!

Три отрицания подряд, сказанные на одном дыхании. Чэн Ю, глядя, как быстро тот вошел в роль, сухо усмехнулся:

— Тебе стоило поступать на актерский, там бы ты был как рыба в воде.

Лучше бы бросил это гиблое сочинение и пошел в театральный кружок.

— Мне неинтересно играть, — пожал плечами Мэн Юйян. Ему нравилось просто молоть чепуху в обычной жизни.

Впрочем, насчет кровати он не врал — он действительно не любил, когда чужаки к ней прикасались. Наверное, это была одна из тех странных привычек, которые бывают у многих. Раз Чэн Ю спросил, значит, у него тоже есть подобные пунктики. В десятом классе У Си как-то заглянул к ним поиграть в приставку и плюхнулся на кровать, так Мэн Юйян чуть не вlepил ему пощечину и тут же выгнал из комнаты.

<http://bllate.org/book/21611/2229240>